

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1897—1898.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ТРЕХЪ ПОРТРЕТОВЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1899.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

---

247. Н. А. Аристовъ. Замятки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. Спб. 1897 (отдѣльный оттискъ изъ «Живой Старины», вып. III и IV, 1896 г.) 182 стр. 8°.

Книга г-на Аристова представляетъ несомнѣнно одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ нашей литературѣ по востоковѣдѣнію. Исторія Средней Азіи до сихъ поръ такъ мало разработана и такъ мало знакома нашему образованному обществу, что даже въ серьезныхъ журналахъ можно встрѣтить очеркъ исторіи той или другой среднеазиатской области, составленный какимъ-нибудь путешественникомъ на основаніи случайныхъ разсказовъ и догадокъ, безъ всякихъ справокъ съ источниками. Тѣмъ болѣе уваженія заслуживаетъ трудъ безкорыстнаго изслѣдователя (къ тому же не принадлежащаго къ оффиціальнымъ представителямъ наукъ), написанный съ полнымъ знаніемъ литературы предмета и очевидно потребовавшій нѣсколькихъ лѣтъ кропотливой работы.

Задачу своего изслѣдованія авторъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Пользуясь имѣющимися данными о настоящемъ родовомъ составѣ и историческими свѣдѣніями по тому же предмету, выяснитъ племена и роды, а также иноплеменные примѣси, изъ которыхъ составился нынѣ существующія тюркскія народности» (стр. 14). За весьма немногими исключеніями, авторъ дѣйствительно изучилъ всѣ подобныя «историческія свѣдѣнія», переведенныя на европейскіе языки, и всѣ труды европейскихъ ученыхъ по интересующимъ его вопросамъ. Сравнительное значеніе различныхъ источниковъ и пособій опредѣлено въ общемъ правильно, безъ преклоненія передъ авторитетами, но и безъ полемическихъ излишествъ.

Благодаря обширной эрудиции автора, его труд вѣроятно долго останется необходимымъ пособіемъ для будущихъ изслѣдователей, изъ которыхъ каждый найдетъ для себя въ немъ полезныя бібліографическія указанія. Если тѣмъ не менѣе, какъ мы постараемся показать, непосредственные результаты труда г-на Аристова главнымъ образомъ отрицательнаго свойства, то это прежде всего объясняется характеромъ того матеріала, которымъ ему приходилось пользоваться и который далъ ему возможность разсѣять цѣлый рядъ установившихся заблужденій, но оказался недостаточнымъ для замѣны ихъ положеніями, построенными на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Не смотря на отдѣльныя плодотворныя, иногда блестящія гипотезы, въ большинствѣ случаевъ утвержденія автора остаются столь же спорными, какъ и опровергнутыя имъ теоріи. Отчасти это признаетъ и самъ авторъ, какъ видно изъ его словъ, что «выясненіе этническаго состава тюркскихъ народностей, при помощи между прочимъ современнаго ихъ племеннаго и родового состава и историческихъ извѣстій, остается задачей будущаго», такъ какъ «главныя препятствія успѣхамъ науки въ данной области», именно «скудость свѣдѣній о современномъ племенномъ и родовомъ составѣ сохраняющихъ родовой бытъ или значительные его остатки тюркскихъ народностей и малодоступность и неразработанность китайскихъ историческихъ извѣстій о древнихъ тюркскихъ народахъ и племенахъ», только «начинають со временемъ устраняться» (стр. 15). Къ этому можно прибавить, что и мусульманскіе источники еще далеко нельзя признать достаточно разработанными; при такихъ условіяхъ незнаніе восточныхъ языковъ не могло не отразиться на книгѣ г-на Аристова. Знаніе языковъ необходимо, конечно, прежде всего для филологическихъ соображеній и теорій; между тѣмъ всѣ авторы-неориенталисты, писавшіе о тюркахъ, отъ Риттера до г-на Каена¹⁾ (Сайун) включительно, за отсутствіемъ точныхъ историческихъ данныхъ сблизали между собой различные народы на основаніи звукового (обыкновенно случайнаго) сходства въ ихъ названіяхъ и другихъ собственныхъ именахъ. Къ сожалѣнію этотъ приемъ, несомнѣстный, какъ намъ кажется, съ современнымъ понятіемъ о научномъ изслѣдованіи, широко примѣняется и г-номъ Аристовымъ (укажемъ въ особенности на стр. 137 и 143). Наконецъ мы должны указать еще на одно обстоятельство, отразившееся на трудахъ автора, именно на его недостаточное знакомство съ методами исторической науки. Мы увидимъ, что среди теорій г-на Аристова встрѣчаются и такія, которыя покажутся невозможными каждому историку, независимо отъ знанія языковъ и быта восточныхъ народовъ.

1) Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des Origines à 1405. Paris 1896. См. нашу рецензію на эту книгу въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1896 г. (июль).

Вопросъ «о начальномъ происхожденіи тюрковъ и ихъ прародинѣ» авторъ справедливо отказывается рѣшить и полагаетъ только, что «большая часть главныхъ тюркскихъ племенъ первоначально обитала въ Алтаѣ, какъ это свидѣтельствуютъ древнія тюркскія народныя преданія и удостовѣряютъ племенные имена, получившія свое начало отъ названій мѣстностей (рѣкъ, урочищъ) въ Алтаѣ» (стр. 46). Древнѣйшимъ тюркскимъ государствомъ считается имперія хунновъ, хотя вполне ясныхъ доказательствъ въ пользу тюркскаго происхожденія этого народа мы не имѣемъ; г-нъ Аристовъ, какъ и его предшественники, приводитъ только тотъ доводъ, что «по китайскимъ извѣстіямъ гаогюйцы и тюрки-туку были потомками хунновъ и языкъ гаогюйцевъ былъ сходенъ съ хуннскимъ, хотя и была небольшая разница». Этотъ доводъ признается имъ вполне доказательнымъ (стр. 16), хотя извѣстно, какъ мало довѣрія заслуживаютъ теоріи средневѣковыхъ писателей о происхожденіи народовъ и сходствѣ языковъ, притомъ существовавшихъ въ разное время; этнографическое различіе между монголами и тюрками одинаково мало сознавали китайскіе и мусульманскіе писатели. Хуннскія имена и титулы, сохранившіеся въ китайской транскрипціи, не поддаются толкованію изъ тюркскихъ языковъ; «единственная сохранившаяся на хуннскомъ языкѣ фраза» (стр. 18), также впрочемъ не вполне понятная, относится къ IV в. по Р. Хр. и поэтому еще не доказываетъ, что и въ III в. до Р. Хр. хунны говорили по-тюркски. — Изъ современниковъ хунновъ авторъ считаетъ тюрками кангюйцевъ (канглы), усуней и вытѣсненныхъ послѣдними изъ Семирѣчья саковъ¹⁾ (у китайцевъ Сэ). Всего сомнительнѣе, конечно, тюркское происхожденіе послѣднихъ, въ пользу котораго приводится (стр. 135—136) только звуковое сходство со словами *saka* (народное названіе якутовъ), *sakai* (названіе енисейскихъ тюрковъ) и *sakaz* (одно изъ кара-киргизскихъ поколѣній). Усуни, по мнѣнію автора, еще ранѣе III в. до Р. Хр. отдѣлились отъ енисейскихъ киргизовъ, кочевали между Танну-ола и восточнымъ Тяньшанемъ²⁾ и около половины II в. до Р. Хр. двинулись въ западный Тяньшань (стр. 121). «Истинное ихъ народное имя было

---

1) Юечжійцевъ г-нъ Аристовъ, подобно Вивьенъ-де-Сенъ-Мартену, справедливо считаетъ тибетцами; приведенныя имъ доказательства (стр. 17) кажутся намъ вполне достаточными. Надо надѣяться, что теперь окончательно отойдетъ въ область преданія фантастическое сближеніе юечжійцевъ съ массагетами, впервые предложенное Абель-Ремюзэ (*Nouveaux mélanges asiatiques*, Paris 1829, I, 220), отвергнутое Вивьенъ-де-Сенъ-Мартеномъ (*Les Huns Blancs ou Ephtalites*, Paris 1849, p. 38) и возобновленное Григорьевымъ (О скинскомъ народѣ Сакахъ, Спб. 1871, стр. 137).

2) По китайскимъ извѣстіямъ первоначальныя жилища усуней находились нѣсколько южнѣе; ср. Іакинъ, Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азійи во древнія времена, III, 65.

всегда *кыргызъ*» (стр. 24); названіе усуней они вѣроятно получили «по имени рода, которому принадлежала властвовавшая династія» до V в. по Р. Хр. Въ тюркской имперіи тѣ же усуні или кыргызы составляли пять аймаковъ *нушиби* (происхождение этого названія, по справедливому замѣчанію автора, еще не выяснено); названія двухъ аймаковъ (*асити* и *гэшу*) можно сблизить съ названіями кара-кыргызскихъ родовъ (*ассыз* и *кучукъ*). Хотя кыргызы (т. е. наши кара-кыргызы) упоминаются на своей теперешней родинѣ только въ XVI в. (стр. 40), всетаки авторъ отрицаетъ возможность движенія ихъ на юго-западъ въ средніе вѣка; въ X и XI вв. этого не допустили бы «могущественные карлыкскіе ханы», въ XII в. кара-кидани (т. е. кара-китай), позднѣе монголы (стр. 121). Какъ усуні, такъ и кыргызы антропологически рѣзко отличались отъ прочихъ тюрковъ; г-нъ Аристовъ объясняетъ эти антропологическіе признаки смѣшеніемъ тюрковъ съ *динлианами* китайскихъ писателей; въ динлианяхъ онъ видитъ предковъ такъ называемыхъ енисейскихъ остяковъ (стр. 48—54). Последнее мнѣніе очень любопытно и, какъ намъ кажется, основательно; но остальные теоріи автора объ усуняхъ и кыргызахъ едва ли могутъ быть приняты. Г-нъ Аристовъ (конечно, не по своей винѣ) не могъ воспользоваться самыми подробными мусульманскими свѣдѣніями о Семпрѣченской области, именно рукописью Туманскаго (до сихъ поръ не издавшею) и главой о тюркахъ изъ сочиненія Гардиза, помѣщенной въ приложеніи къ моему «Отчету о поѣздкѣ въ Среднюю Азію» (вышедшему въ свѣтъ только въ 1897 г.). Эти свѣдѣнія настолько подробны, что, если бы кыргызы въ IX и X вв. жили въ Семпрѣчѣ, мы непременно имѣли бы извѣстіе объ этомъ. Какъ мы знали уже изъ китайскихъ источниковъ, кыргызы всегда были союзниками карлуковъ¹⁾ (вѣроятно также въ борьбѣ съ токузь-огузами); изъ рукописи Туманскаго мы узнаемъ, что городъ Пенчуль (соотвѣтствовавшій нынѣшнему Аксу), находившійся въ предѣлахъ карлукскихъ владѣній, перешелъ сначала въ руки токузь-огузовъ, потомъ въ руки кыргызовъ. Итакъ въ X в. несомнѣнно происходило движеніе кыргызовъ на юго-западъ, вѣроятно черезъ Кульджинскій край. Въ XII в. кара-китай, двигаясь на западъ, прошли черезъ землю енисейскихъ кыргызовъ; очень возможно (хотя прямыхъ извѣстій объ этомъ мы не имѣемъ), что часть кыргызовъ приняла участіе въ этомъ движеніи и впоследствии въ движеніи монголовъ. Итакъ вопросъ о томъ, когда кара-кыргызы поселились на своей теперешней родинѣ, долженъ, по нашему мнѣнію, остаться открытымъ²⁾.

1) Такиновъ I, 449.

2) Не раздѣляя теоріи автора о происхожденіи усуней, мы однако не можемъ не согласиться съ его словами, что «усуньской старинѣ какъ-то суждено быть предметомъ ошибоч-

Послѣ паденія имперіи хунновъ господство въ Монголіи на нѣкоторое время перешло къ тунгусскимъ народамъ; часть хуннскихъ родовъ переселилась на западъ, гдѣ смѣшалась съ финнами. Этимъ хуннамъ г-нъ Аристовъ приписываетъ основаніе царствъ хазарскаго и болгарскаго (стр. 126—127). Хазары (حمر) и болгары (حنق) упоминаются среди народовъ южной Россіи уже сирійскимъ писателемъ VI в. ¹⁾; но хазарскаго царства на низовьяхъ Волги въ это время, судя по рассказамъ византійцевъ, еще не было. Мы полагаемъ, что въ этомъ случаѣ г-нъ Иловайскій ²⁾ правъ и что дѣйствительно существуетъ аналогія между образованіемъ этого царства (послѣ распада тюркской имперіи) и образованіемъ золотоордынскаго ханства въ монгольскій періодъ. — Кроме упомянутыхъ народовъ византійцы (какъ и названный сирійскій писатель) говорятъ еще о сарагурахъ, оногурахъ и друг.; академикъ В. В. Радловъ ³⁾ думалъ видѣть здѣсь слѣды имени уйгуровъ; г-нъ Аристовъ отвергаетъ это сближеніе, но и предложенное имъ объясненіе такъ-же мало состоятельно. Тождество названія тюркскихъ уйгуровъ съ названіемъ финскихъ угровъ или югровъ, еще до В. В. Радлова предположенное Кастреномъ ⁴⁾, мы считаемъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ; но еще менѣе вѣроятно, что всѣ эти названія происходятъ отъ слова *ууръ* (по-монгольски «народъ»), что это же слово скрывается въ титулѣ *уурханъ* и что оно «попало къ древнимъ тюркамъ, монголамъ и проч. изъ языка какого-нибудь болѣе древняго народа».

Тюркскіе народы, оставшіеся въ Монголіи и въ при-алтайскихъ областяхъ, были извѣстны китайцамъ подъ общимъ названіемъ гаогюйцевъ или *теле*; это слово, по мнѣнію автора, сохранилось въ имени алтайскихъ *телеутовъ* (монгольское множ. число отъ теле) и *телеутовъ* ⁵⁾ (стр. 67). Въ VI в. образовалась новая тюркская имперія. По мнѣнію г-на Аристова не только основатели имперіи, но и всѣ ихъ сосѣди были тюрками; такими признаются даже татары и татаби (*хи* китайскихъ источниковъ, впоследствии, какъ полагаетъ авторъ, извѣстные подъ названіемъ онгутовъ или бѣлыхъ татаръ, нынѣ омонголившійся аймакъ *Онйотъ*). Еще въ томъ же

ныхъ гипотезъ» и что остатки кирпичныхъ построекъ, находямые на берегахъ Псыкъ-куля или на днѣ его, не могутъ принадлежать кочевникамъ-усунямъ (стр. 26).

1) *Anecdota Syriaca* III, 337. Указаніемъ на этотъ интересный источникъ я обязанъ проф. Нельдеке.

2) Разысканія о началѣ Руси, Москва 1882, стр. 256, 260.

3) Къ вопросу объ уйгурахъ, Сиб. 1893 (= Приложеніе къ LXXII-му тому Зап. Имп. Акад. Наукъ № 2), стр. 103—116.

4) *Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker*, St.-P. 1857, pp. 93—103.

5) Въ другомъ мѣстѣ (стр. 20) авторъ кроме того сближаетъ слово *телеметъ* съ *далянъ*, названіемъ одного изъ гаогюйскихъ родовъ.

VI в. имперія тюрковъ распалась на два государства, восточное и западное; въ составъ западнаго вошли десять аймаковъ (поколѣній), именно пять аймаковъ *дулу* и пять *нушиби*¹⁾. Родъ дулу или тулу упоминается и въ числѣ гаогюйскихъ родовъ V в. по Р. Хр.; кромѣ того авторъ сближаетъ это названіе съ именемъ рода *дуло*, изъ котораго происходили болгарскіе князья, и съ названіемъ современнаго поколѣнія *дулатъ* (стр. 23—24). Первое сближеніе можетъ быть основательно, но второе кажется намъ совершенно немислимымъ. Какъ въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ самъ авторъ (стр. 42—43), названіе этого поколѣнія до XVI в. включительно писалось *дулатъ*; эти дуглаты, которые еще въ XIII в. были ближайшими сосѣдями жившихъ на Селенгѣ тайджинотовъ и которыхъ Рашид-ад-динъ²⁾ считалъ чистыми монголами, едва ли имѣютъ что-нибудь общее съ тюркскими дулу.

Образованіе и распаденіе тюркской имперіи, какъ всегда было въ подобныхъ случаяхъ, повлекло за собой значительное передвиженіе тюркскихъ народовъ. Въ этомъ передвиженіи г-нъ Аристовъ отводитъ крайне незначительную роль народу огузовъ (гузовъ), что едва ли подтверждается историческими извѣстіями. По его мнѣнію огузы и уйгуры — въ сущности одинъ и тотъ же народъ, въ разное время, въ зависимости отъ преобладанія того или другаго рода, носившій разныя названія; тюрки-тукю не входили въ составъ огузовъ, но покорили ихъ (стр. 21—22); на западѣ «имя гузовъ, т. е. огузовъ, появилось уже во времена арабскихъ географовъ»; его приняли роды кангловъ и кипчаковъ въ VIII—X вв., можетъ быть для того, чтобы отличить себя отъ покоренной карлуками восточной части кангловъ (стр. 144—145). Между тѣмъ въ орхонскихъ надписяхъ ханъ, обращаясь къ *своему народу*, называетъ его токузь-огузами³⁾ или просто огузами⁴⁾, изъ чего можно заключить, что слово *огузъ* не только обозначало сѣверныхъ сосѣдей тюрковъ-тукю, но употреблялось и въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ качествѣ синонима слова *тюркъ*. На похороны Кюль-тегияна съ запада, въ качествѣ посла тюркешскаго хана, прибылъ «мудрый тамгачи огузовъ»⁵⁾; изъ этого можно заключить, что терминъ огузъ (въ обширномъ значеніи)

1) Среди названій поколѣній встрѣчаются названія чу-юе, чу-ми, чу-мугунъ и чу-банъ, изъ чего г-нъ Аристовъ заключаетъ, что нѣкогда было «особое тюркское племя, которое слѣдовало бы именовать чуйскимъ». Конечно, это—только гипотеза, хотя авторъ считаетъ свой выводъ несомнѣннымъ.

2) Сборникъ лѣтописей, перев. И. Н. Березина, введеніе, стр. 207.

3) Radloff, Die alttürkischen Inschriften, Neue Folge (St.-P. 1897), p. 150.—Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, Helsingf. 1896, p. 115.

4) Radloff, id. opus, p. 136. Thomsen, id. opus, p. 105.

5) Radloff p. 149. Thomsen p. 114.

употреблялся и на западѣ. Итакъ огузы, основавшіе послѣ паденія западно-тюркской имперіи новое государство, центръ котораго былъ на низовьяхъ Сыръ-Дарьи, и впослѣдствіи двинувшіеся на юго-западъ, были прямыми потомками тюрковъ-тукю и не имѣли ничего общаго съ канглами. Лингвистическія данныя, какъ намъ кажется, также говорятъ скорѣе въ пользу нашей теоріи, чѣмъ въ пользу предположеній автора. По мнѣнію г-на Аристова отъ кангловъ и кипчаковъ одинаково происходятъ какъ юго-западные турки¹⁾, такъ и волжскіе татары, башкиры и друг.; они же «принимали значительное участіе въ составѣ узбековъ, сартовъ и киргизъ-казаковъ, такъ что болѣе двухъ третей всѣхъ нынѣ существующихъ тюрковъ происходятъ отъ кангловъ и кипчаковъ». Чѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить близкое сходство южно-тюркскихъ нарѣчій съ языкомъ орхонскихъ надписей²⁾ и существенное отлчіе ихъ отъ «западныхъ діалектовъ» В. В. Радлова, т. е. отъ языка киргизовъ, башкировъ и волжскихъ татаръ? Изученіе исторіи тюрковъ и памятниковъ тюркскаго языка приводитъ насъ къ тому заключенію, что, какъ и полагаетъ В. В. Радловъ, три главныя группы тюркскихъ нарѣчій (среднеазиатскіе діалекты представляютъ смѣшеніе діалектовъ разныхъ группъ) несомнѣнно существовали уже въ періодъ тюркской имперіи; въ языкѣ огузовъ орхонскихъ надписей, предковъ южныхъ тюрковъ, мы уже находимъ въ смягченномъ видѣ многіе звуки, сохранявшіе твердое произношеніе еще въ джагатайскомъ литературномъ языкѣ. Вслѣдствіе этого мы не можемъ отождествить ни уйгуровъ съ огузами³⁾, ни гузовъ съ команамъ (стр. 127). Съ другой стороны тождество комановъ съ кипчаками и близкое родство послѣднихъ съ канглами не подлежитъ сомнѣнію;

1) Утвержденіе автора, будто «Сельджукъ, по Рашидъ-эддину, происходилъ изъ племени канглы» (стр. 137), вѣроятно основано только на ошибочномъ чтеніи проф. Березина (переводъ, введеніе, стр. 80); самъ проф. Березинъ страницей выше читаетъ *катыкъ* (قَتِيك); по мнѣнію проф. Хаугсмъ (Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes II, 226) правильное чтеніе *кынакъ*. Османы происходили изъ рода *каи* или *каи-ханамъ*; второе слово происходитъ отъ слова *ханъ* (г-нъ Аристовъ цитируетъ д'Оссона I, 293, но и тамъ стоитъ Khauli, а не Kauli), такъ что, вопреки мнѣнію г-на Аристова (стр. 138), и османы не происходили изъ кангловъ. Огузскій родъ *баятъ*, изъ котораго происходилъ патріархъ Коркудъ, вѣроятно имѣетъ также мало общаго съ родомъ кангловъ *баяту* (стр. 148), какъ съ монгольскими *балутами* (Рашид-ад-динъ въ перев. проф. Березина, введеніе, стр. 175).

2) Radloff, Die alttürkischen Inschriften, Neue Folge, p. 44.

3) Въ пользу этого отождествленія г-нъ Аристовъ между прочимъ приводитъ слѣдующее изображеніе: «Легенды объ Угузъ-ханѣ встрѣчаются не только у туркменовъ, но и у уйгуровъ, судя по изданному В. В. Радловымъ переводу отрывка рукописи уйгурскаго письма изъ библіотеки Шефера» (стр. 144). Языкъ этого отрывка однако существенно отличается отъ восточно-тюркскихъ нарѣчій; авторомъ легенды вѣроятно былъ не уйгуръ, а житель киргизскихъ степей, гдѣ, какъ извѣстно, долго жили огузы.

мусульманскіе писатели XII и начала XIII вв. употребляют слова *канглы* и *кипчаки* почти какъ синонимы¹⁾. Если можно сблизить между собой названія *кантой* и *канглы*, то канглы нѣкогда были самымъ западнымъ изъ тюркскихъ народовъ (въ пользу тюркскаго происхожденія части европейскихъ скиновъ до сихъ поръ нѣтъ никакихъ доказательствъ); въ пользу этого говорилъ бы фактъ (если бы онъ подтвердился), что тюркскій элементъ въ мадыарскомъ языкѣ примыкаетъ къ западной группѣ тюркскихъ диалектовъ²⁾. Послѣ основанія тюркской имперіи преобладаніе и на западѣ перешло къ огузамъ, которые приняли участіе въ движеніи изъ Азіи въ Европу; сюда *можетъ быть* слѣдуетъ отнести движеніе печенѣговъ (среди огузскихъ родовъ упоминается родъ *бичне*), также узовъ византійскихъ писателей, торковъ (по миѣнію г-на Аристова тюркеша) и берендѣевъ (вѣроятно огузскій родъ *баяндыръ*) нашихъ лѣтописей. Постепенно однако въ нынѣшнихъ киргизскихъ степяхъ снова получили преобладаніе кипчаки (канглы); они вытѣснили огузовъ съ низовьевъ Сыръ-дарьи, гдѣ мы въ концѣ XII в. находимъ кипчакское владѣніе³⁾, и изъ южной Россіи; имъ, какъ извѣстно, принадлежитъ древнѣйшій литературный памятникъ западно-тюркскихъ диалектовъ.

Въ Туркестанѣ (по терминологіи мусульманскихъ писателей, т. е. въ странѣ тюркскихъ кочевниковъ, простиравшейся отъ границы мусульманскихъ владѣній до Китая) господство послѣ распаденія западно-тюркской имперіи перешло къ тремъ народамъ: гузамъ (огузамъ), карлукамъ и токузь-огузамъ (вѣтви этого народа, переселившейся на востокъ изъ западно-тюркскаго государства). На основаніи извѣстныхъ до сихъ поръ данныхъ г-нъ Аристовъ, подобно Григорьеву, долженъ былъ придти къ заключенію, что Караханиды, въ концѣ X в. объединившіе подъ своей властью почти весь Туркестанъ, были карлуками; между тѣмъ данныя, приведенныя въ рукописи Туманскаго, показываютъ, что въ борьбѣ между токузь-огузами и карлуками первые постоянно одерживали верхъ⁴⁾ и что передовая вѣтвь токузь-огузовъ, именно поколѣніе *яма*, въ концѣ IX или въ началѣ X в. уже владѣла частью Восточнаго Туркестана съ городомъ Кашгаромъ (будущей

1) Извѣстно, что мать хорезмшаха Мухаммеда по Джувейни происходила изъ кангловъ; другіе источники называютъ ее кипчакской царевной (ср. Зап. Вост. Отд. VIII, 27); ея родственники тоже часто называются кипчаками.

2) Vambergy, Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen, Leipzig 1885, p. 281.

3) О немъ и его отношеніяхъ къ Хорезму подробно говоритъ Джувейни. Въ качествѣ сосѣдей Хорезма кипчаки упоминаются уже у Бейхаки (ed. Morley p. 91), т. е. въ XI в.

4) Впрочемъ указаніе на этотъ фактъ (со словъ Кудамы) уже было приведено въ Зап. Вост. Отд. VIII, 22.

столицей Караханидовъ) и частью Семпрѣчья къ югу отъ Нарына. Изъ другого, тоже еще не напечатаннаго источника ¹⁾ мы знаемъ, что начальникъ этого поколѣнія носилъ титулъ Богда-хана (очень обыкновенный у Караханидовъ); кромѣ того сельджукскій везирь XI в. Низам-ал-мулькъ упоминаетъ о взятіи Баласагуна языческими тюрками около 940 г. ²⁾ Къ этому времени мы слѣдовательно можемъ отнести паденіе карлуковъ и начало господства Караханидовъ въ Чуйской долинѣ. Карлуки повидимому должны были удалиться въ сѣверную часть Семпрѣчья, гдѣ еще въ XIII в. существовало карлукское владѣніе. Итакъ Караханиды и ихъ народъ, по нашему мнѣнію, происходили изъ токузъ-огузовъ. Пребываніе, въ теченіе двухъ столѣтій, въ странѣ уйгуровъ Восточнаго Туркестана, уже въ V в. по Р. Хр. имѣвшихъ письменность, не могло не отразиться на языкѣ огузовъ; кромѣ того, какъ указываетъ и г-нъ Аристовъ (стр. 164), въ Восточный Туркестанъ послѣ разрушенія уйгурскаго царства на Орхонѣ (IX в.) удалась часть уйгурскихъ родовъ. Этимъ объясняется, что языкъ составленной въ государствѣ Караханидовъ поэмы «Кудатку-биликъ» существенно отличается отъ языка орхонскихъ надписей и принадлежитъ къ восточно-тюркскимъ нарѣчіямъ.

О томъ, какое вліяніе на передвиженіе тюркскихъ народовъ имѣло образованіе имперіи кара-китаевъ (западныхъ Ляо) въ XII в., мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій. Гораздо важнѣе по своимъ послѣдствіямъ было усиленіе монголовъ въ XIII в. Ориенталисты начала нашего вѣка большею частью полагали, что этнографическія условія Монголіи въ XIII в. были почти такія же, какъ теперь, и что еще до Чингизъ-хана вся нынѣшняя Монголія была населена народами монгольскаго происхожденія ³⁾. Впослѣдствіи нѣкоторые этнографы старались доказать тюркское происхожденіе многихъ изъ этихъ народовъ; дальше всѣхъ въ этомъ направленіи пошелъ Ховорсъ, признавшій тюрками цѣлый рядъ могущественныхъ народовъ Монголіи, въ особенности керантовъ, наймановъ и мергитовъ. Г-нъ Аристовъ однако идетъ еще дальше и считаетъ тюрками даже тѣ народы, въ которыхъ Ховорсъ видѣлъ монголовъ или тунгузовъ, какъ татаръ ⁴⁾ и онгутовъ ⁵⁾. По теоріи автора Монголія вплоть до Чингизъ-хана была занята тюрками, «за исключеніемъ ея крайней сѣверо-восточной части, гдѣ появи-

1) *مجملة التواريخ*, Cod. Paris. Ancien. Fonds Persan 62, f. 273.

2) Это извѣстіе теперь приписано въ москъ «Отчету», стр. 35.

3) Abel-Rémusat, *Recherches sur les langues tartares*, Paris 1820, pp. 237—240.

4) Howorth, *History of the Mongols*, I, 700—703.

5) *Id. opus.* I, 26.

лись монголы»; тѣмъ не менѣе монголы покорили тюрковъ и отняли у нихъ лучшія земли; при этомъ «значительная часть тюрковъ Монголіи осталась на своихъ мѣстахъ, но омонголилась окончательно вѣроятно еще въ XIII столѣтіи» (стр. 31—32). Если монголы до Чингизъ-хана дѣйствительно занимали только ту небольшую область, которую имъ отводитъ г-нъ Аристовъ, то число ихъ въ сравненіи съ тюрками не могло не быть крайне незначительнымъ. При благоприятныхъ обстоятельствахъ и при гениальныхъ дарованіяхъ Чингизъ-хана такая малочисленность, можетъ быть, не исключала бы возможности военныхъ успѣховъ монголовъ, даже не помѣшала бы имъ наложить на покоренныхъ свое имя; но при такихъ условіяхъ было бы совершенно немислимымъ не только «омонголеніе» нѣсколькихъ сильныхъ народовъ въ періодъ времени меньше ста лѣтъ, но и сохраненіе монголами своего языка; неизбѣжнымъ послѣдствіемъ побѣдъ Чингизъ-хана было бы образованіе новаго тюркского народа, хотя бы подъ названіемъ монголовъ.

Опредѣлить, какіе изъ перечисленныхъ у Рашид-ад-дина народовъ Монголіи были тюрками, какіе монголами, — задача въ настоящее время едва ли разрѣшимая; еще проф. Березинъ¹⁾, указывая на географическое названіе Секизь-муренъ («восьмирѣчье»), обратилъ вниманіе на то, «до какой степени смѣшивались здѣсь языки». Мнѣніе Ховорса о тюркомъ происхожденіи кераитовъ, наймановъ и друг. основывается главнымъ образомъ на ихъ тюркскихъ именахъ и титулахъ²⁾; между тѣмъ это явленіе гораздо проще объясняется культурнымъ вліяніемъ уйгуровъ, которому христіанскіе кераиты и найманы естественно подвергались въ большей степени, чѣмъ остальные народы. Вліяніе другихъ культурныхъ народовъ также проявлялось главнымъ образомъ въ именахъ и титулахъ; такъ братъ кераитскаго хана носилъ тибетскій титулъ Джаханьбо; сынъ того же хана извѣстенъ только подъ своимъ китайскимъ титуломъ Сяньгунъ; впоследствии младшій сынъ каана Угэдэя, получившій мусульманское воспитаніе, носилъ имя Меликъ. Съ другой стороны, въ виду того низкаго культурнаго уровня, на которомъ стояли монголы, можно объяснить только монгольскимъ происхожденіемъ монгольскія личныя имена, всетаки встрѣчающіяся у кераитовъ и наймановъ. Дѣдъ ванъ-хана носилъ имя *Мэриузъ*, въ формѣ *Мэриузъ* встрѣчающееся у монголовъ³⁾ и едва ли, вопреки высказывавшемуся иногда

1) Рашид-ад-динъ, введеніе, стр. 249.

2) History of the Mongols I, 693 sg. Такого же взгляда г-нъ Ховорсъ держался и впоследствии; ср. его статью о кераитахъ въ Journal of the R. As. Society XXI (1889), p. 379: These names will suffice to prove that the Kerais were Turks and not Mongols.

3) Какъ указалъ еще проф. Березинъ (Рашид-ад-динъ, введеніе, стр. 259).

мнѣнію¹⁾, имѣющее что-нибудь общее съ христіанскимъ Маркъ; имя его жены Хутухтай (ореографія допускаетъ также чтеніе Хутухту) также чисто-монгольское. Сами монголы, какъ показываетъ написанное еще въ первой половинѣ XIII в. героическое сказаніе, считали своими кераитовъ и мергитовъ²⁾. Еще менѣе данныхъ можно привести въ пользу тюркскаго происхожденія татаръ; самый титулъ татарскаго *Норз-Буюрукъ-хана*³⁾ является краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ въ пользу факта, что тюркскіе титулы встрѣчались и у народовъ, говорившихъ по-монгольски.

Изъ народовъ западной Монголіи монголами несомнѣнно слѣдуетъ признать ойратовъ, жившихъ у верховьевъ Енисея, непосредственно къ югу отъ киргизовъ; по прямому свидѣтельству Рашид-ад-дина⁴⁾ языкъ ойратовъ отличался отъ монгольскаго только нѣкоторыми діалектическими особенностями. Монголами вѣроятно были также найманы, которымъ принадлежало господство въ западной Монголіи. Вопреки мнѣнію г-на Аристова намъ, по историческимъ аналогіямъ, кажется гораздо правдоподобнѣе видѣть въ названіи этого народа монгольское числительное *найман* (восемь), чѣмъ производить его отъ названія рѣки Найма (притокъ Катунн). По мнѣнію автора, «что найманы были искони тюрками, это удостовѣряется нынѣшнимъ тюркскимъ языкомъ этого многочисленнаго племени; отуреченіе первоначально монгольскихъ наймановъ было бы несогласно со всѣмъ ходомъ исторіи Средней Азіи» (стр. 87). Этотъ «ходъ исторіи» основанъ однако только на болѣе чѣмъ сомнительныхъ гипотезахъ самого автора. Мы рѣшительно не понимаемъ, почему г-нъ Аристовъ считаетъ невозможнымъ отуреченіе нѣкоторыхъ монгольскихъ элементовъ, переселившихся въ западную часть Средней Азіи. Это явленіе особенно замѣтно въ исторіи узбековъ⁵⁾ и нѣтъ основанія полагать, что его не было въ исторіи родственныхъ имъ казаковъ. Изъ «многочисленныхъ племенъ», вошедшихъ въ составъ казацкаго союза, одно, именно *конграты*, носятъ имя, которое самъ г-нъ Аристовъ справедливо считаетъ именемъ первоначально монгольскаго племени (стр. 96). Авторъ и тутъ не хочетъ вѣрить въ отуреченіе монголовъ; по его мнѣнію «вѣроятно часть четырехъ тысячъ, данныхъ Джучію отцомъ, состояла изъ конгратовъ; они несомнѣнно имѣли большое значеніе при дворѣ Джучидовъ и въ управленіи подвластными народами. Все это дѣлаетъ

1) Между прочимъ Ховорсомъ (History I, 697).

2) Ср. Труды часновъ Росс. духовной миссіи въ Пекинѣ IV, 54, 57, 171—172. Въ подлинникѣ, какъ мнѣ сообщилъ проф. А. О. Ивановскій, вмѣсто *гада* стоитъ *мангол*.

3) Рашид-ад-динъ, введеніе, стр. 96—97.

4) Введеніе, стр. 79.

5) См. намеки на него у Абулгази (перев. Демезона, стр. 196).

понятнымъ образованіе въ удѣлѣ джучіевоѣ, въ кипчакской ордѣ, союза мѣстныхъ тюркскихъ родовъ съ именемъ конграть». Даже если принять такое объясненіе, всетаки естественно возникаетъ вопросъ: не могъ ли образоваться такимъ же образомъ союзъ тюркскихъ родовъ съ именемъ найманъ?

Въ періодъ монгольскаго владычества образовались важнѣйшія изъ существующихъ тюркскихъ народностей. Изъ нихъ въ книгѣ г-на Аристова подробнѣе всего разсматривается киргизъ-казацкій народъ, занимающій по численности второе, по пространству своихъ земель первое мѣсто среди современныхъ тюрковъ; кромѣ того этотъ народъ «больше всѣхъ тюркскихъ народностей сохранилъ скотоводческій и кочевой образъ жизни и родовой бытъ, почему родовыя и племенные дѣленія и ихъ имена держатся у него съ наибольшею силою и ясностью» (стр. 76). Авторъ приходитъ къ заключенію, что «народъ киргизъ-казацкій сложился главнымъ образомъ изъ племенъ канглы, кипчакъ, чу(дулатъ), аргынъ, найманъ, кирей и алчинъ» (стр. 120). Дулатовъ, наймановъ и киреевъ (керантовъ), по нашему мнѣнію, слѣдуетъ причислить къ монгольскимъ элементамъ; слово *аргынъ*, по интересной и очень правдоподобной догадкѣ г-на Аристова, означало «помѣсь». Такое значеніе Марко Поло придавалъ слову *Argon* и отождествлялъ его со словомъ *Gasmul*; г-нъ Аристовъ, ссылаясь на Потье, приводитъ свидѣтельство Дюканжа (*Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis*), что «*Vasmoule* или *Gasmoule* именовались въ византійской имперіи потомки отца-француза и матери гречанки»; отсюда дѣлается выводъ, что басмылы орхонскихъ надписей (ба-ся-ми китайскихъ источниковъ) также были «смѣсью многихъ, вѣроятно разнаго происхожденія родовъ» (стр. 91—92). Терминъ съ такимъ значеніемъ мы, какъ извѣстно, имѣемъ и въ новѣйшей исторіи тюрковъ (Курама). Названіе племени *алчинъ*, главнаго племени Малой орды, сближается съ названіемъ «пѣгаго народа», *ала*, и полу-миѣической страны *Алакчинъ*, гдѣ «всѣ лошади пѣгія, а очаги золотые»; кромѣ того приводится, со словъ Казанцева, малоордынское сказаніе о ханѣ Алача или Алаченѣ, во владѣніяхъ котораго стали рождаться «пѣгіе или чубарые люди» (стр. 106—107). На основаніи всего этого авторъ приходитъ къ заключенію, что «въ основѣ племени алчинъ лежала помѣсь тюрковъ съ западными динлипами» (енисейскими остяками). Итакъ чисто-тюркскими элементами, вошедшими въ составъ киргизъ-казацкаго народа и, какъ видно изъ его нѣншіяго тюркскаго языка, составлявшими главную часть его, можно признать только кангловъ и кипчакъ; естественно, что языкъ киргизъ-казаковъ принадлежитъ къ западной группѣ тюркскихъ нарѣчій. Вліяніемъ тѣхъ же кангловъ вѣроятно слѣдуетъ объяснить фактъ, что кара-киргизское нарѣчіе

стоитъ гораздо ближе къ киргизъ-казацкому, чѣмъ къ языку енисейскихъ тюрковъ. О канглахъ и кипчакахъ, вошедшихъ въ составъ кара-киргизскаго народа, говорится и у г-на Аристова (стр. 122); кромѣ того можно привести рядъ историческихъ свидѣтельствъ, показывающихъ, что жилища кангловъ нѣкоторое время простирались довольно далеко на востокъ. Въ началѣ XII в. канглы, вмѣстѣ съ карлуками, угрожали Баласагуну¹⁾; тюркское владѣніе въ Алмалыгѣ, образовавшееся въ XIII в., *можетъ быть* было основано канглами²⁾; наконецъ, по Рашид-ад-дину³⁾, канглы жили также въ землѣ наймановъ, около верховьевъ Иртыша. Послѣднее свидѣтельство показываетъ, что киргизы могли подвергнуться влиянію кангловъ еще до своего переселенія въ Семирѣчье, даже если это переселеніе произошло не до Рождества Христова, какъ полагаетъ г-нъ Аристовъ, а уже въ монгольскій періодъ.

Изъ остальныхъ событій исторіи тюрковъ самыми важными, на нашъ взглядъ, являются переселеніе нѣсколькихъ тюркскихъ ордъ въ Китай, вытѣсненіе части тюрковъ на отдаленный сѣверо-востокъ, гдѣ они образовали якутскій народъ, и постепенное отуреченіе осѣдлага населенія Восточнаго и Западнаго Туркестана (въ послѣднемъ этотъ процессъ, какъ извѣстно, еще не совсѣмъ законченъ). Потомками въ разное время переселившихся въ Китай и окитавшихся хунновъ, тюрковъ и уйгуровъ авторъ считаетъ дунганъ (стр. 18, 172). Якутовъ г-нъ Аристовъ, на основаніи историческихъ и этнографическихъ данныхъ, считаетъ потомками енисейскихъ тюрковъ и сближаетъ народное названіе якутовъ (*саха*) съ названіемъ енисейскихъ сагайцевъ; переселеніе якутовъ съ береговъ Енисея на берега Лены произошло, по его изслѣдованію, вѣроятно въ XIII в. (стр. 57—59). Отуреченіе туркестанскихъ иранцевъ приписывается главнымъ образомъ карлукамъ (стр. 165, 172), хотя начало этого процесса г-нъ Аристовъ, считая тюрками усуней и саковъ, относитъ къ гораздо болѣе раннему времени (стр. 163). Теперь отуреченные таджики извѣстны подъ названіемъ *сартовъ* — терминъ, который въ средніе вѣка былъ синонимомъ слова таджикъ. Происхожденіе слова *сартъ* до сихъ поръ не выяснено; въ обсужденіи этого вопроса при-

1) См. разсказъ Джувеини у d'Ohsson, Histoire des Mongols I, 442.

2) Зап. Вост. Отд. VIII, 29. Вопреки сказанному тамъ, вопросъ о томъ, стояло ли у Джувеини **قنغلیان** или **قرلغان**, далеко не такъ ясенъ. Ближайшее изслѣдованіе Ханьковской рукописи показало мнѣ, что она въ большинствѣ случаевъ достовернѣе и вѣроятнѣе древнѣе Долгоруковской. Если чтеніе Шереф-ад-дина Іезди указываетъ на форму **قنغلیان**, то Вассафъ, также пользовавшійся Джувеини, пишетъ **قرلغان** (ср. рук. Публ. Библ. V, 3, 24, л. 392).

3) Введеніе, перев. Березина, стр. 108; текстъ стр. 137.

нималъ участіе п пишущій эти строки, ошибочно полагавшій, что сарты не упоминаются у писателей до-монгольскаго періода¹⁾; г-нъ Аристовъ (стр. 157) напоминаетъ приведенный еще у Вамбери²⁾ фактъ, что терминъ сартъ уже употребленъ въ поэмѣ «Кудатку-бияликъ» (XI в.). Очень вѣроятно, что монголы, въ числѣ многихъ другихъ терминновъ, заимствовали его у уйгуровъ. Въ настоящее время слово сартъ даже въ оффициальной статистикѣ не имѣетъ опредѣленнаго, всѣми признаннаго значенія, и сарты часто смѣшиваются съ узбеками. Статистика Самаркандской Области не признаетъ сартовъ, а только узбековъ и таджиковъ; съ другой стороны «въ Ферганской статистикѣ почти нѣтъ узбековъ, и все осѣдлое населеніе именуется сартами» (стр. 156). Г-нъ Аристовъ предлагаетъ «называть сартами лишь говорящее по-тюркски осѣдлое и утратившее родовые бытъ и дѣленія населеніе Сыръ-Дарьинской и Ферганской областей» (стр. 157). Авторъ знаетъ, что «для перешедшихъ къ осѣдлой жизни кочевниковъ утрата родового быта и родовыхъ дѣленій есть только вопросъ времени», но, по его мнѣнію, для этого «большею частью время всетаки требуется немалое» (стр. 155). Если предложеніе г-на Аристова будетъ принято, то слово сартъ будетъ имѣть скорѣе бытовое, чѣмъ этнографическое значеніе; по замѣчанію самого автора сюда войдутъ, кромѣ отуреченныхъ таджиковъ, еще «помѣси тюрковъ разныхъ племенъ между собой и съ другими сверхъ таджиковъ инородцами (напр. съ афганцами, потомками арабовъ и пр.)». Такое соображеніе не останавливаетъ автора, полагающаго, что «это не помѣшаетъ сартамъ быть или сдѣлаться довольно однородной народностью, такъ какъ единство языка, религія, занятій и быта неизбѣжно повлечетъ за собою и антропологическое слитіе путемъ браковъ и метисаціи». Противъ этого можно возразить, что для такого антропологическаго (и лингвистическаго) слитія также «время всетаки требуется немалое». Такъ какъ основнымъ признакомъ народа является языкъ, то, какъ намъ кажется, точное разграниченіе сартовъ и узбековъ возможно только путемъ точнаго опредѣленія тѣхъ признаковъ, по которымъ нарѣчіе сартовъ отлчается отъ узбекскаго.

Въ заключеніе мы должны отмѣтить еще одно крупное недоразумѣніе, проходящее черезъ всю историческую часть книги. Г-нъ Аристовъ едва ли не всѣ явленія исторіи тюрковъ выводитъ изъ родоваго быта; образованіе кочевыхъ имперій объясняется усиленіемъ отдѣльныхъ родовъ или племенъ, распаденіе ихъ — стремленіемъ родовъ и племенъ къ самостоятельности (стр. 10). Историческія извѣстія показываютъ, что въ двухъ случаяхъ,

1) Турк. Вѣд. 1895 г. № 30.

2) Das Türkenvolk, p. 371.

именно при возстановленіи восточно-тюркскаго государства (VIII в.) и при образованіи имперіи монголовъ (XIII в.) переворотъ въ жизни кочевниковъ находился въ связи съ борьбой между степной аристократіей и демократическими элементами, причемъ борьба въ первомъ случаѣ кончилась побѣдой демократіи, во второмъ — побѣдой аристократіи¹⁾; къ тому же, по прямому свидѣтельству источниковъ, приверженцы Чингизъ-хана, какъ и приверженцы его главнаго соперника, состояли изъ представителей *различныхъ* родовъ и племенъ²⁾. Отсутствіе подробныхъ данныхъ объ образованіи другихъ кочевыхъ имперій заставляетъ насъ оставить открытымъ вопросъ, происходили ли и тамъ явленія, болѣе соотвѣтствующія понятію о классовой борьбѣ, чѣмъ понятію о борьбѣ между отдѣльными родами и племенами. Отвергаемый г-номъ Аристовымъ (стр. 15) взглядъ г-на Каена, что перевороты въ жизни Азіи производились «живыми націями», а не мелкими родовыми единицами, можетъ быть и не такъ далекъ отъ истины. Пишущаго эти строки изученіе исторіи востока все болѣе и болѣе приводитъ къ признанію тѣхъ простыхъ истинъ, что на востокѣ, какъ и на западѣ, обширныя движенія вызывались интересами обширнаго круга лицъ, что въ Азіи и въ Европѣ дѣйствуютъ одни и тѣ же законы исторической эволюціи, что о восточномъ человѣкѣ съ такимъ же правомъ, какъ о западномъ, можно сказать, что «ничто человѣческое ему не чуждо», хотя въ обоихъ случаяхъ, въ зависимости отъ бытовыхъ условій, отдѣльныя стороны человѣческой природы могли на болѣе или менѣе продолжительное время получить почти исключительное преобладаніе. Подъ вліяніемъ трудовъ европейскихъ ориенталистовъ (особенно нѣмецкихъ) «золотой востокъ, страна чудесъ», востокъ Тысячи и одной ночи постепенно отходитъ въ область легендъ; за то передъ нами развертывается картина дѣйствительной жизни восточныхъ народовъ и выясняются причины, опредѣлившія ходъ ихъ исторіи и ихъ роль въ исторіи человѣчества. Въ новѣйшихъ обзорахъ всемірной исторіи уже приняты во вниманіе результаты изслѣдованій этихъ ученыхъ; но для исторіи Средней Азіи подобныхъ трудовъ до сихъ поръ почти не существуетъ; походы тюрковъ и монголовъ описываются въ томъ же фантастическомъ освѣщеніи, въ какомъ до появленія трудовъ Шпренгера, Вейля, Дози, Кремера и друг. рассказывалась исторія Мухаммеда и арабовъ. Въ виду близости къ Средней Азіи какъ нашего прошлаго, такъ и нашей современной жизни пополненіе этого пробѣла во всемірно-исторической литературѣ возможно только при дѣятельномъ участіи русскихъ ученыхъ. Привѣтствуя книгу

1) Ср. Зап. Вост. Отд. X, 111—114.

2) Труды Пек. миссіи IV, 59—62, 69—70. — Труды Вост. Отд. Арх. Общ. XIII, 124.

Н. А. Аристова, въ качествѣ крупнаго шага на пути къ этой цѣли, мы въ то же время позволяемъ себѣ выразить надежду, что ни самъ авторъ, ни будущіе изслѣдователи не останутся на той точкѣ зрѣнія, на которой онъ стойтъ въ этой книгѣ.

В. Бартольдъ.

248. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Историческое прошлое Бэй-шаня въ связи съ исторіею Средней Азіи. Спб. 1898. II + 127 стр. 4^о.

Задачу своего труда авторъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Пользуясь своимъ знакомствомъ съ нѣкоторыми частями Средней Азіи, вынесеннымъ изъ путешествій, совершавшихся, впрочемъ, съ иными цѣлями, я взялъ на себя трудъ помочь историкамъ разобраться въ нѣкоторыхъ наиболѣе запутанныхъ вопросахъ, которые ставить намъ историческая географія Средней Азіи». Предлагаемая книга «являлась плодомъ изученія исторической литературы Азіи и должна будетъ составить первыя три главы приготавлиаемаго къ печати втораго тома «Описанія путешествія въ Западный Китай»; поэтому она печатается только въ 100 экземплярахъ. Въ концѣ предисловія авторъ выражаетъ благодарность Н. А. Аристову, «который любезно дѣлился съ нимъ своими обширными свѣдѣніями по исторіи Средней Азіи». Зависимость отъ взглядовъ г-на Аристова, дѣйствительно, проявляется въ книгѣ г-на Грумъ-Гржимайло очень часто; между прочимъ мы находимъ у него ту-же теорію о тюркскомъ происхожденіи огромнаго большинства народовъ, населявшихъ Монголію до Чингизьхана. Въ нѣкоторыхъ вопросахъ (напр. въ вопросѣ о происхожденіи киргизовъ) авторъ однако расходится съ г-номъ Аристовымъ, отъ изслѣдованія котораго книга г-на Грумъ-Гржимайло кромѣ того существенно отличается категоричностью выводовъ и рѣзкостью полемическихъ приемовъ.

Подъ названіемъ Бэй-шань авторъ понимаетъ всю страну между Тянь-шанемъ и «горами системы Куэнь-луня, до меридіанальной долины р. Эцзинь-гола и даже до Ала-шаня». У китайцевъ этотъ терминъ не имѣетъ такого обширнаго значенія, но авторъ счелъ себя въ правѣ поступить съ нимъ «точно также, какъ прежніе географы поступили съ мѣстными же китайскими названіями Нань-шань, Тянь-шань и Куэнь-лунь, распространявъ ихъ съ одного края горъ на цѣлую систему послѣднихъ» (стр. 2).

Какъ извѣстно, Восточный Туркестанъ первоначально былъ населенъ арійцами, причемъ, по мнѣнію автора, здѣсь господствовалъ тотъ же «древній арійскій строй общественной и государственной жизни», какъ въ Запад-